

УДК: 821.581

А. А. РАДЬКО   А. А. RADKO

**СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗОВ В «РАННЕЙ ПОЭЗИИ»
БИН СИНЬ НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКОВ «МИРИАДЫ ЗВЁЗД»
И «ВЕШНИЕ ВОДЫ»: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ**

В данной статье рассмотрено идейно-художественное своеобразие образной системы ранней поэзии Бин Синь (сборники «Мириады звезд», 1923 г.), «Вешние воды», 1923 г.) посредством фундаментальной «философии любви» писательницы. Выявлена специфика универсальных и уникальных для китайской культуры образов через призму авторской концепции Бин Синь «семья – любовь – вселенная».

Ключевые слова: китайская литература, современная китайская поэзия, образ, Бин Синь.

**THE SPECIFICITY OF IMAGERY IN “EARLY POETRY”
BING XING IN MYRIAD STARS AND SPRING WATERS:
THE UNIVERSAL AND THE UNIQUE**

This article reviews the ideological and imaginative singularity of the image system of Bing Xin's poetry through the fundamental philosophy of “universal love”. The specificity of universal and unique Chinese culture images through the prism of the author's concept of «family – love – universe» is revealed.

Key words: Chinese literature, Chinese poetry, image, Bing Xin.

Китайская писательница Бин Синь (冰心, 1900–1999 гг.) представляет собой знаковую фигуру в истории развития китайской литературы начала XX века. Являясь одной из первых профессиональных женщин-писательниц ведущего общества того времени («Общества изучения литературы» 文学研究会, 1921–1927 гг.), Бин Синь внесла огромный вклад в одно из важнейших литературных явлений литературы Нового Китая – концепцию «женской прозы» («女性文学») [3, с. 12].

Особый интерес среди китаеведов вызывает ранняя поэзия писательницы. Сборники «Мириады звёзд» («繁星», 1923 г.) и «Вешние воды» («春水», 1923 г.) Бин Синь опубликовала, будучи в составе «Общества изучения литературы». Относительно структуры следует отметить, что сама писательница в предисловиях к изданию данных сборников отмечает, что испытывает сильное влияние индийского поэта Рабиндраната Тагора (1861–1941 гг.), в особенности впечатлена сборником данного автора – «Перелётные птицы» («飞鸟集», 1922 г.), где были представлены такие близкие китайской культуре образы, как горы, деревья, летящие птицы, философские размышления об окружающем мире и гармонии жизни [7, с. 1].

В рассматриваемых сборниках Бин Синь представлены новаторские для того времени «короткие стихотворения» («小诗»). Многие исследователи считают, что именно писательница стала основоположницей данного поэтического жанра, соединившего в себе классический метр китайского стиха и японские стихотворные формы танку и хокку [4, с. 137]. Короткие стихотворения в большинстве случаев включают в себя от 2-3 и до 14 строк. В них фокус поэта сосредоточен на повседневных вещах, но именно в них и заключается загадка данного жанра [7, с. 1].

Исследователь В. Дашеева, цитируя редактора сборника «Мириады звёзд», в своей работе пишет: *«Когда читаешь стихи Бин Синь из цикла «Мириады звёзд» словно в летний знойный день чувствуешь прохладу», «будто идти по пустыне... по бурьяну Оазиса и найти источник Хун Вэйхэ»* [1, с. 15]. При этом синолог отмечает, что за пустынностью и знойным летом скрывается состояния литературы и общества того периода, в то время как поэзия Бин Синь в такой среде выступает чем-то спасительным и обнадёживающим.

Отметим, что даже само название сборника – «Мириады звёзд» – через призму биографии писательницы представляется нам «спасением» во всем своём естестве. Отец писательницы, будучи моряком, объяснял маленькой Бин Синь, как различать созвездия на ночном небе, и рассказывал, как однажды, благодаря звёздам, он и его товарищи смогли отыскать путь домой после шторма. Этот рассказ навсегда остался в воспоминаниях Бин Синь, а звезда стала ассоциироваться со спасением [3, с. 17]. Название сборника «Вешние воды» также является говорящим, так как весна ассоциируется с началом новой жизни и пробуждением мира от долгой и холодной зимы, что символизирует обновление жизни и надежду на будущее.

Основой сборников «Мириады звёзд» и «Вешние воды» является «философия любви» («爱的哲学»), которая была выявлена писательницей, где основой концепции представлено единство трёх типов любви: любви к матери, к детям и

природе, где любовь к матери является основополагающей. По словам исследователя Н. Захаровой в данном триединстве воплощается идеальная гармония «всеобщей любви» [2, с. 244].

Китайский исследователь Ван Фучжэн (王福增, 1946 г.), рассуждая о поэзии Бин Синь, отмечал, что «этот мир поэзии создан детской душой, это мир зрительного ощущения детских лет, этот мир начинает зарождаться с семьи, с семьи до общества, до целого человечества и вселенной» [3, с. 20]. Именно через данное «детское мироощущение» и будет выражаться новаторское для литературы того времени проявление индивидуального женского «я» писательницы. Поэтесса, согласно исследователю Бо Вану, разработала литературную теорию, одними из составляющих которой были «个性» (индивидуальность) и «同情» («сочувствие», «эмоции») [9, с. 3]. Исследователь подчеркивает, что несмотря на то, что данная концепция разрабатывалась и другими писателями, Бин Синь подняла её на другой уровень. Поэтесса связала данную литературную теорию с созданием «истинной» литературы, то есть литературы, связывающей писателя с читателем через изображение писателем своей индивидуальной личности и истинных чувств. [9, с. 3–4].

Стоит отметить, что в будущем, с развитием китайской литературы и активной деятельностью китайских писательниц, проявление индивидуального женского «я» станет классическим. Но в рассматриваемый период развития китайской литературы (начало XX века) данное проявление рассматривалось как новаторский шаг в сторону эволюции концепции «женской прозы».

В стихотворении № 2 сборника «Мириады звёзд» Бин Синь пишет:

童年啊!
是梦中的真,
是真中的梦,
是回忆时含泪的微笑 [8].

Детство!
Во сне – настоящее
В настоящем – сон
Улыбка сквозь слёзы
воспоминаний [7, с. 3].

Детство – самый беззаботный и счастливый период в жизни человека, который приходит к своему логичному завершению, когда человек взрослеет. Таким образом, воспоминания о детстве могут быть зафиксированы во сне («梦»), где взрослый человек может уйти от реальности и погрузиться в счастливый мир детства.

Основываясь на концепции «мира ребёнка» и переходя к концепции «мира семьи», отметим, что в стихотворении № 114 сборника «Мириады звёзд» поэтесса пишет:

«家么»?!
我不知道
但烦闷——忧愁
都在此中融化消灭 [8].

«Семья»?!
Не знаю
Но тоска и грусть
Именно здесь растворяясь,
исчезают [7, с. 16].

В данном стихотворении мы можем отметить, что для Бин Синь «семья» («家») – это особое место единения с близкими людьми, где наступает исцеление от одиночества.

Исследуя переход от концепции «семьи» к концепции «человечества и вселенной» в стихотворении № 12 и № 14 сборника «Мириады звёзд», мы отмечаем образное проявление «философии любви» писательницы:

Данная философия выражается через строчки «любите друг друга!» («相爱罢!»), ведь все люди равны, и «мы все дети природы» («我们都是自然的婴儿»), лежащие в колыбели вселенной («宇宙的摇篮»). Таким образом, Бин Синь реализует призыв к миру и единству человечества.

Женское «я» писательницы выражено через 3 основных универсальных образа: образ «матери» («母亲»), образ «детства» («童年») и образ «отца» («父亲»). Данные образы, по нашему мнению, являются универсальными, так как согласно исследовательнице Е. Олиховой, китайское мышление определяется как «феминизированное», то есть ориентированное на внутреннюю жизнь, на семью [5, с. 1]. Данную триаду образов Бин Синь соединяет с образами природы, музыки и одежды, передавая при этом полноту своего внутреннего мира, взаимодействующего с «миром детства», «миром семьи» и «миром человечества/ вселенной».

Так, многие стихотворения в двух рассматриваемых циклах посвящены образу «матери», например, стихотворение № 33 цикла «Мириады звёзд»:

母亲啊!
撇开你的忧愁,
容我沉酣在你的怀里,
只有你是我灵魂的安顿 [8].

Мама!
Оставь свою печаль
Впусти в себя мое опьянение
Только с тобой мир моей души
[7, с. 5].

Поэтесса отмечает, что только в образе «матери» можно найти мир и спокойствие души. Однако образ «матери» у поэтессы может также выражать и тоску, которую поэтесса соотносит с окружающим миром, отражающим настроение лирической героини. Например, стихотворение № 71 сборника «Мириады звёзд»:

这些事—
是永不漫灭的回忆:

月明的园中,
藤萝的叶下,
母亲的膝上 [8].

Эти события —
Воспоминания, которые никогда не
сотрутся,
В саду лунного света
Под листьями глицинии
На маминых коленях [7, с. 10].

В данном стихотворении мы можем увидеть образ «лунного света» («月明»), который в китайской литературе ассоциируется с покоем и гармонией. Также мы можем заметить близость между данным стихотворением и вышеупомянутым: «Только с тобой мир моей души» [7, с.5]. То есть для лирической героини образ «матери» неразрывно связан со спокойствием. Следующий образ, представленный в данном «сяоши», это «листья глицинии» («藤萝的叶»), которые в китайской флоре символизируют хрупкость и чистоту, что является ещё одним «определением» матери для поэтессы.

Следующий образ, через который выражается женское «я» у поэтессы является образ «отца». Так, обращаясь к нему в стихотворении № 75 сборника «Мириады звёзд», Бин Синь пишет:

父亲啊!
出来坐在月明里
我要听你说你的海[8]。

Папа!
Выходи посидеть на лунном свете
Я хочу слушать твои рассказы о твоем море
[7, с. 11].

Лунный свет (月明) в данном «сяоши» выступает в качестве объекта, вызывающего воспоминания об отчем доме, об отце. Данные воспоминания усиливаются *образом «моря» («海»)*: как нам известно из биографии писательницы, её отец был морским офицером и своими рассказами о море, привил дочери любовь к нему.

Последним рассматриваемым стихотворением, посвящённым образу «отца», является стихотворение № 128 сборника «Мириады звёзд»:

澎湃的海涛
沉黑的山影—
夜已深了
不出去罢
看啊!
一星灯火里
军人的父亲
独立在旗台上[8]。

Шумная морская волна
Тяжёлые тёмные очертания гор —
Уже глубокая ночь
Не выходи
Смотри!
В свете лампы
Отец военный
Один стоит у основания флагштока [7, с. 18].

Мы можем предположить, что в данном отрывке изложены воспоминания о раннем детстве поэтессы: согласно биографии поэтессы, первые семь лет жизни Бин Синь прошли на побережье, которое, по-видимому, и описывается в данном «сяоши»: «Шумная морская волна / Тяжёлые тёмные очертания гор...» («澎湃的海涛/ 沉黑的山影»). Образ отца-военного, изображённого в стихотворении, без сомнения транслирует автобиографические черты, так как отец поэтессы являлся офицером военно-морского флота, вдохновлял дочь, культивируя в юной Бин Синь волю и силу духа.

Другим образом, через который выражается женское «я» поэтессы, является *образ «детства»*. Ярким примером этого является стихотворение № 134, представленное в цикле «Мириады звёзд»:

怎能忘却
夏之夜
明月下
幽栏独倚
勒红的莲花
深绿的荷盖
缟白的衣裳! [8]。

Как можно забыть
Летнюю ночь
Под лунным светом
Одиноко прислонились к заброшенной ограде
Сдержанно красные цветы лотоса
Тёмно-зелёное покрывало из листьев
Из белого шёлка платье! [7, с. 19].

Лирическая героиня не верит, что можно забыть летнюю ночь детства, где главным символом являются «*красные цветы лотоса*» («*红的莲花*»). Обратим внимание, что в китайской флоре лотос — это теплолюбивое, растение, которое, рождаясь в болотной мутной воде, появляется на свет чистым и незапятнанным, символизируя тем самым чистоту, совершенство и мир, красный же цвет в Китае ассоциируется со счастьем и радостью. То есть красный лотос выступает в качестве символа счастья и мира. «*Зелёный цвет листьев*» («*绿的荷*») в стихо-

творении указывает на то, что листья молодые, то есть они растут, цветут и развиваются. Символика же белого цвета в китайской культуре довольно противоречива: с одной стороны он символизирует чистоту, а с другой – является траурным цветом, ассоциируясь с печалью. Мы можем предположить, что в этом стихотворении за белым цветом закреплено первое значение. Таким образом перед нами предстаёт картина невероятно «чистого» и мирного места во время одной из самых лучших пор года. Символика цветов при этом помогает нам лучше понять состояние лирической героини.

Важно отметить, что в рассматриваемых сборниках писательницы присутствуют *уникальные образы*, которые выступают самостоятельно, не затрагивая при этом три основных образа (образ «матери», образ «детства» и образ «отца»).

Одним из данных немногочисленных образов, через который писательница выражает свое женское «я», будет являться образ «ласточки» («燕子»). Так, в стихотворении № 63 сборника «Мириады звёзд», обращаясь к другу за советом, Бин Синь пишет:

我是横海的燕子
要寻觅隔水的窝巢 [8].

Я ласточка своевольного моря
Хочу разыскать водонепроницаемое гнездо.
[7, с. 10].

В данном стихотворении писательница сравнивает себя с ласточкой. Если мы углубимся в символику птиц, то узнаем, что ласточка в китайской культуре ассоциируется с любовью и счастьем. При этом поэтесса уточняет, что она «*ласточка своевольного моря*» («*横海的燕子*»), то есть поступает согласно своим установкам и принципам. Также, проанализировав биографию писательницы и время, в которое было написано данное стихотворение, мы можем предположить, что за образом «моря» скрывается Китай во время гражданских революций, последовавших после начала «Движения 4 мая». И соответственно Бин Синь в образе «ласточки» ищет совета: как разыскать «водонепроницаемое гнездо» («*隔水的窝巢*»), то есть как поступить согласно своим принципам, спастись от негативных последствий своих решений. Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что в данном отрывке присутствует и автобиографический элемент из жизни писательницы.

Следующим уникальным образом является *образ «природы»* («自然»); в стихотворении № 145 из сборника «Вешние воды» Бин Синь пишет:

我的心开始颤动了—当
我默默的
敞着楼窗
对着大海
自然无声的谢我说
我承认我们是被爱的了[8].

Моя душа заволновалась –
Когда я молча
Открываю окно
Выходящее к морю
Природа беззвучно благодарит меня:
“Признаюсь мы – любимы” [6, с. 19].

В рассматриваемом стихотворении *море (大海)* для лирической героини является символом гармонии и спокойствия, выступая при этом посредником между поэтессой и природой, говорящей лирической героине, что она – любима. И именно в данной последней строчке стихотворения мы можем уловить «философию любви» Бин Синь, одной из составляющей которой является любовь к природе.

Следующий уникальный образ – образ «орхидеи» («幽兰»). Так, в стихотворении № 99 сборника «Вешние воды» Бин Синь, обращаясь к данному цветку пишет:

幽兰!	Далекая <u>орхидея</u> !
未免太寂寞了	Не слишком ли одинока
不愿意要伙伴么 «我	Не хочешь найти друзей?!
正寻求着呢	«Я как раз ищу
但没有别的花儿	Но нет других цветов
肯开在空谷里» [8].	Готовых цвести в просторной долине».
	[6, с. 13].

Мы можем предположить, что за образом «орхидеи» скрывается сама писательница. Если мы посмотрим на символику данного цветка, то узнаем, что в китайской культуре он ассоциируется с нежностью и покоем. В данном стихотворении *орхидея* («幽兰») одинока, она хочет найти друзей, но не может, ведь никто не хочет расти в просторной, а значит никем не защищённой долине. Поэтому нежная орхидея остаётся одна против всех невзгод, которые будут в будущем встречаться на пути.

Проанализировав поэзию Бин Синь, мы можем отметить, что поэтесса придает особое значение своей индивидуальности и связи с читателем, где универсальные образы, такие, как образ «матери», образ «детства» и образ «отца», близки и доступны всем читателям, вне зависимости от их пола и возраста. Также отметим, что индивидуальные образы, не лишённые настоящих и ярких эмоций, искренних в своем изображении, погружают читателя в глубины души поэтессы.

Стоит отметить, что ещё одной важной особенностью поэзии Бин Синь является «наполненность» любовью: любовью к матери, к детству и к окружающему миру, причём материнская любовь в её поэзии является основополагающей. Воплощение духа материнства является основой для писательницы, и именно к ней на протяжении всех двух стихотворных циклов обращается Бин Синь.

Женское «я» поэтессы выражено через три основных универсальных образа: образ «матери», образ «детства» и образ «отца», которые дополняются второстепенными образами: «луна», «лунный свет», «маленькая лодочка», «море», «объятия» и т. д., передавая при этом богатство внутреннего мира поэтессы. Другие же уникальные образы, представленные в двух сборниках, показывают стремление Бин Синь к свободе самовыражения. Сохраняя при этом чувственность женской души, что поможет познать внутренний мир, принять темноту жизни и беспокойное море времени, где точкой опоры является всеобщая и всепрощающая концепция любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашеева, Е. С. Тема детства в поэзии Бин Синь / Е. С. Дашеева. – Улан-Удэ : БГУ, 2009. – 57 с.
2. Захарова, Н. В. Литературный процесс в Китае в первой четверти XX века. Эволюция прозаических жанров: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Н. В. Захарова. – Москва, 2021. – 362 с.
3. Кочеткова, О. В. Творческая индивидуальность Бин Синь : Магистерская диссертация / О. В. Кочеткова. – Минск, 2015. – 69 с.

4. Лемешко, Ю. Г. Современная литература Китая : учеб. пособие / Ю. Г. Лемешко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. – 324 с.
5. Новый Акрополь. Лотос. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newacro-pol.ru/alexandria/symbols/lotos/>. – Дата доступа: 25.03.2021.
6. Черныш, Н. А. Бин Синь Весенние воды. Стихи. Перевод с китайского и вступительная статья / Н. А. Черныш // Мир Востока. – 2020. – № 3. – С. 139–164.
7. Черныш, Н. А. Бин Синь Мириады звёзд. Стихи. Перевод с китайского и вступительная статья / Н. А. Черныш // Мир Востока. – 2019. – № 3. – С. 88–110.
8. Bingxinwang [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bingxinwang.com/> – Дата доступа: 08.01.2023. = Бинсиньван [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bingxinwang.com/> – Дата доступа: 08.01.2023.
9. Wang, Bo. Writing to Connect Minds: Bing Xin as a Feminist Rhetorician / Wang Bo // College English. – 2009. – Vol. 72, № 4. – P. 385–405. = Ван, Бо. Писать, чтобы соединить умы : Бинг Синь, как Феминистский Ритор / Ван Бо // Журнал “College English”. – 2009. – Т. 72. – № 4. – С. 385–405.